

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ: ОТ ДЕТСТВА К ЮНОСТИ

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР^а, В.Г. ЕРОФЕЕВА^а, Р.М. БАЙРАМЯН^а,
К.С. ЧУЛЮКИН^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Everyday Representations of Authenticity: From Childhood to Youth

S.K. Nartova-Bochaver^a, V.G. Yerofeyeva^a, R.M. Bayramyan^a, K.S. Chulyukin^a

^а *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Аутентичность — черта личности, означающая верность своему истинному Я, соответствие природе индивидуальности, пространственно-временному контексту жизни и предназначению. Сопоставляются три основные парадигмы толкования аутентичности — личностно-ориентированная, экзистенциальная и субъектная парадигмы. Для изучения динамики повседневных представлений об аутентичности проведено эксплораторное исследование представителей трех возрастных групп: младших школьников (7–12 лет, $SD_{\text{возраст}} = 1.12$), подростков (12–17 лет, $SD_{\text{возраст}} = 1.62$) и юношей и девушек (18–23 года, $SD_{\text{возраст}} = 0.92$). Каждая группа включала по 150 человек и была сбалансирована по полу. В качестве метода сбора данных использовалось исследовательское интервью. Полученные тексты были проанализированы с помощью структурированного табличного тематического анализа. Интервью включало

Abstract

Authenticity is a personality trait, which implies loyalty to one's true self, correspondence to the personality, spatio-temporal life circumstances, and vocation. Three main paradigms of the interpretation of authenticity are compared - person-centered, existential, and agent paradigms. To study the dynamics of everyday experience of authenticity, an exploratory study was conducted on the respondents of three ages: primary school children (7–12 years old, $SD_{\text{age}} = 1.12$), adolescents (12–17 years old, $SD_{\text{age}} = 1.62$), and youth (18–23 years old, $SD_{\text{age}} = 0.92$). Each group included 150 people and was balanced by gender. The main method was a research interview followed by a structured tabular thematic analysis. The interview included five thematic blocks covering the main manifestations of

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>

The research was supported by the Russian Science Foundation, project N 20-18-00262, <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>

пять тематических блоков, охватывающих основные проявления аутентичности: аутентичную жизнь, принятие внешнего влияния, самоотчуждение, поведение и баланс социального/индивидуального. Результаты демонстрируют большую релевантность экзистенциальной и субъектной парадигм для описания аутентичности респондентов указанного возраста. Во всех возрастных группах аутентичность описывается как изначально социальное качество, стимулируемое взаимодействием с другими людьми и проявляющееся в нем. Влияние других людей не рассматривалось респондентами как источник самоотчуждения, независимо от возраста. По мере взросления описания аутентичности становятся более богатыми и дифференцированными. В младшем школьном возрасте аутентичность рефлексится слабее, а состояние самоотчуждения распознается с трудом. Все изученные проявления аутентичности возрастно специфичны и тесно связаны с содержанием задач развития каждой из рассмотренных стадий. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях и психоразвивающих программах.

Ключевые слова: аутентичность, повседневные представления, младшие школьники, подростки, юноши и девушки.

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — профессор; главный научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: психология индивидуальных различий, психология суверенности, психология среды.

Контакты: s-nartova@yandex.ru

Ерофеева Виктория Георгиевна — аспирант; стажер-исследователь, департамент психологии, факультет социальных наук; стажер-исследователь, Центр исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология личности, позитивная психология, психология развития.

Контакты: verofeeva@hse.ru

authenticity - authentic living, accepting external influence, self-alienation, behavior, and balance of social/individual. The results demonstrate the greater relevance of the existential and agent paradigms for describing the respondents' authenticity. In all ages, authenticity was described as an initially social feature, stimulated by interaction with other people and manifested in it. The influence of other people was not considered by respondents as a source of self-alienation, regardless of age. The descriptions of authenticity become richer and more differentiated with age. In primary school children, authenticity is reflected weaker, and the state of self-alienation is recognized with difficulty. Finally, manifestations of authenticity are age-specific and closely related to the content of the developmental tasks of each of the considered stages. The results obtained can be used in further research and applied programs.

Keywords: authenticity, everyday representations, primary school children, adolescents, youth.

Sofya K. Nartova-Bochaver — professor, Chief Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology, professor.

Research Area: psychology of individual differences, psychology of sovereignty, environmental psychology.

E-mail: s-nartova@yandex.ru

Victoria G. Yerofeyeva — PhD student; Research Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences; Research Assistant, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, HSE University.

Research Area: personality psychology, positive psychology, developmental psychology.

E-mail: verofeeva@hse.ru

Байрамян Роксана Мамиконовна — научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук; научный сотрудник, Центр исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психология развития, педагогическая психология, психология личности, дифференциальная психология. Контакты: roksana.bayramyan@mail.ru

Roksana M. Bayramyan — Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences; Research Fellow, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: developmental psychology, personality psychology, educational psychology, psychology of individual differences. E-mail: roksana.bayramyan@mail.ru

Чулюкин Кирилл Сергеевич — выпускник аспирантуры; стажер-исследователь, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: психология развития, педагогическая психология, психология личности, дифференциальная психология. Контакты: ucdkirill@mail.ru

Kirill S. Chulyukin — Graduate of Doctoral School of Psychology (HSE); Research Assistant, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University. Research Area: developmental psychology, personality psychology, educational psychology, psychology of individual differences. E-mail: ucdkirill@mail.ru

- Как вам удается так располагать к себе других людей?
- Я просто стараюсь быть самим собой.
- Странно; когда я стараюсь быть собой, люди почему-то от меня отворачиваются...

Диалог папы Бенедикта (Э. Хопкинс) и папы Франциска (Дж. Прайс), фильм Фернанду Мейреллиша «Два папы» (2019)

Аутентичность личности как предмет исследования появилась в психологии недавно и пока еще остается весьма размытым феноменом, далеким от точного определения (Baumeister, 2019). Однако при этом она сохраняет свою высокую привлекательность для исследователей, которые, не придя к согласию относительно ее природы и проявлений, продолжают предлагать разные версии ее понимания. В самом общем виде аутентичность — это способность быть самим собой и сохранять верность своему истинному Я (Harter, 2002).

В современной исторической ситуации человечество переживает психологические нагрузки высочайшей интенсивности, меняются правила взаимодействия людей, пересматриваются мировоззрение и образ жизни. В этих условиях человеку все труднее ответить на вопрос о собственной идентичности: «Кто я?» Отношение к себе выстраивается скорее вокруг вопроса: «По-прежнему ли это я?» На наш взгляд, роль аутентичности как инструмента мониторинга текущей версии своей личности и оценки внутреннего согласия с ней в современной ситуации значительно усиливается; именно аутентичность предстает как основа преемственности и непрерывности личности.

Меняясь, оставаться собой — это парадоксально-диалектическое правило жизни во времена высокой неопределенности делает изучение аутентичности актуальным как никогда прежде (Анциферова, 1992).

Большое количество исследований продемонстрировало ресурсную функцию аутентичности для психологического благополучия, раскрывая безусловный потенциал адаптивности этой черты (Galinha et al., 2023). Вместе с тем аутентичность проявляет себя как маркер и возможный предиктор наадаптивного развития личности. Так, она предотвращает разрушительные сомнения в наличии смысла жизни и представляет собой буфер против профессионального выгорания, особенно в экстремальных профессиях (Бочавер, Резниченко, 2022; Wilt et al., 2021).

Аутентичность связана с просоциальными явлениями: служит модератором между сопереживанием себе и другим, таким образом предотвращая/снижая возможную психэстетическую пропорцию и гармонизируя отношения с другими людьми; может предотвращать возникновение так называемой дурной креативности («malevolent creativity»), иницирующей асоциальные и делинквентные поступки; помогает человеку принимать морально значимые повседневные решения, согласуя принятые обязательства с реальной способностью их выполнить (Волков, 2000; Chen, Murphy, 2019; Bayır-Toper et al., 2022; Cross, 2021; Ramos, 2022; Xu et al., 2023). В условиях аккультурации в чужой стране аутентичность связана с более высоким индексом бикультурности, готовности видеть иную культуру как нечуждую и привлекательную (Mok, 2022).

Однако большинство этих исследований проводилось в стабильные времена или на материале относительно бескризисных жизненных периодов. Лишь очень немногочисленные данные показывают, что в условиях повседневного или профессионального стресса аутентичность проявляет себя даже более интенсивно, чем в стабильные периоды (Нартова-Бочавер, Ковалева, 2018; Нартова-Бочавер, Пак, 2022; Maffly-Kipp et al., 2020; Munns, 2018). В то же время сохранение аутентичности может сопровождаться рисками и психологическими затратами: исследование Д. Гарднер и Дж. Прасада (Gardner, Prasad, 2022) показало, что в условиях небезопасной организационной среды работники с нетрадиционной сексуальной ориентацией скорее склонны поступиться своей аутентичностью, чем стать объектом стигматизации. Таким образом, аутентичность в сложных ситуациях может представлять собой не только личностный ресурс, но также источник уязвимости. Эти данные, впрочем, относятся к количественным показателям стандартизированных шкал, которые ограничивают возможности описания, а не к содержанию феномена аутентичности, глубоко идиографического по своей сути.

Возрастные особенности проявлений аутентичности к настоящему моменту остаются практически не изученными, особенно применительно к насыщенному нормативными кризисами переходу от детства к юности (Чумакова, 2021; Alchin et al., 2023). Сущностные для взросления вопросы, а именно: какие аспекты своей личности и поведения в этот период воспринимаются как аутентичные? что нарушает переживание людьми собственной подлинности?

какую цену они готовы заплатить за то, чтобы оставаться самими собой? — до сих пор не нашли ответов ни в мировой, ни в отечественной психологии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения: а) повседневных представлений о проявлениях аутентичности и б) особенностей описания аутентичности младшими школьниками, подростками и представителями юношества.

Аутентичность личности в перспективе психологии развития

В разных культурах потребность быть самим(ой) собой (подлинность, искренность, естественность) рассматривалась как ценность и критерий личностной зрелости, хотя понятия, используемые для описания признаков аутентичности, различались. В современной психологии личности водоразделом между разными парадигмами понимания аутентичности является вопрос: верность чему? Индивидуальности и врожденным качествам личности? Результаты исследований, однако, последовательно показывают отсутствие связи между способностью быть аутентичным и чертами личности и темперамента (Нартова-Бочавер и др., 2020; Fleeson, Wilt, 2010). Поэтому аутентичность, будучи прижизненно формирующимся феноменом, должна рассматриваться в контексте текущих жизненных обстоятельств и решаемых человеком задач развития.

В мировой психологии личности существует три операционализованные теории аутентичности как черты личности. Согласно концепции Г. Барретт-Леннарда (Barrett-Lennard, 1998), в рамках личностно-ориентированного подхода аутентичность рассматривается как трехкомпонентная черта личности, включающая аутентичную жизнь (authentic living), отсутствие принятия внешнего влияния (accepting external influence) и самоотчуждения (self-alienation) (Wood et al., 2008). Необходимо отметить, что такое понимание аутентичности характерно для стран с индивидуалистическим типом культуры, в которых другие люди рассматриваются как угроза собственной подлинности («калифорнийский индивидуализм», по выражению М. Фуко) (Foucault, 1983). Вторая концепция разработана М. Кернисом и Б. Голдманом в рамках экзистенциальной психологии (Kernis, Goldman, 2006). В этом понимании аутентичность не подразумевает противопоставления человека социальному миру и включает четыре компонента, отражающих различные аспекты подлинности как показателя зрелой личности. Осознанность (awareness) — это ясность представления о самом себе и событиях своего жизненного пути; непредвзятость (по отношению к себе) (unbiased processing) — это способность видеть свои негативные стороны как естественную, но изменяемую часть своей личности; аутентичное поведение (behavior) — это действия человека в соответствии со своими желаниями и установками; аутентичные отношения (relational orientation) — это понимание ценности близких, искренних отношений с другими людьми. Экзистенциальное понимание аутентичности нам видится более стереоскопичным, по сравнению с личностно-ориентированным подходом. Недавно обе концепции аутентичности были объединены,

результатом чего стала двухфакторная модель, разделяющая так называемую внутреннюю аутентичность (отсутствие самоотчуждения и принятия внешнего влияния, непредвзятость, осознанность своей личности и аутентичное поведение) и внешнюю аутентичность (аутентичную жизнь и отношения с другими) (Torpe et al., 2022).

Исследования показывают, однако, что аутентичность как измеряемое качество обладает слабой культурной инвариантностью, делая необходимым учет социокультурного контекста, в котором разрабатывалась концепция аутентичности (Robinson et al., 2013). Описанные концепции были созданы в индивидуалистических культурах самореализации. Это обусловило необходимость разработки более релевантной российской ментальности концепции и метода.

Развивая субъектный подход С.Л. Рубинштейна (2012), понимающего личность как неразрывно связанную с окружающим миром, физической и социальной средой и не способную существовать или развиваться вне этого контекста, мы предложили концепцию аутентичности как черты, отражающей верность человека своей индивидуальности, его соответствие пространственно-временным условиям жизни и предназначению (призванию) (Reznichenko et al., 2021; Нартова-Бочавер, 2023). Субъектность предполагает также усиление с возрастом осознанности, произвольности, избирательности и ответственности человека в контактах с миром, что не может не отражаться в его представлениях об истинном Я (Нартова-Бочавер, Силина, 2018; Сергиенко, 2021). На наш взгляд, аспекты аутентичности, выделенные в трех перечисленных концепциях, наиболее типичны и ожидаемы в свободных описаниях этого феномена, не ограниченных категориями стандартизированного метода.

Исследования аутентичности в возрастной перспективе весьма фрагментарны. Так, исследование представителей трех возрастных групп в Великобритании (20–39, 40–59 и 60+) показало, что для переживания аутентичности важны не только возраст (с возрастом она усиливается), но и интенсивность личностного или возрастного кризиса. В период изменений люди, с одной стороны, проявляют большее любопытство по отношению к себе, а с другой — теряют чувство аутентичности, что вызвано внутренними противоречиями и конфликтами, свойственными нестабильному периоду жизни (Robinson et al., 2016; Petrov et al., 2022).

Данные исследования российских младших школьников и подростков свидетельствуют о том, что с возрастом описания аутентичности становятся более дифференцированными и детальными (Чумакова, 2021). Подростки описывают себя более позитивно и нередко в качестве неотделимой части своего истинного Я упоминают свою социальную жизнь, в то время как описания младших школьников более индивидуалистичны и противоречивы (Nartova-Vochaver et al., 2021).

Поскольку истинное Я представляет собой часть самосознания личности, в ходе взросления категорий для его описания становится все больше. В давнем исследовании возрастных особенностей представлений о себе у людей от 11 до 85 лет (Labouvie-Vief et al., 1995) было обнаружено, что по мере взросления образ Я становится все более позитивным и агглютинация представлений о

себе, о других и о социальных условностях заменяется точными, т.е. более аутентичными, акцентами на контексте жизни, процессе понимания себя и собственной индивидуальности. Эти данные согласуются и с концепцией личностной сложности, согласно которой накопление жизненного опыта влечет за собой увеличение количества категорий самоописания и их точности (Linville, 1987).

Исследования показывают, что именно в период перехода от детства к взрослости люди переживают наибольшее количество изменений и плотность жизненных кризисов также наиболее высока (Robinson, 2020). В соответствии с нашим пониманием аутентичности, это качество отражает соответствие контексту жизни и, следовательно, решаемым в данный момент задачам. В чем же состоят эти задачи, согласно данным психологии развития?

Ш. Бюлер полагала, что до 20 лет люди характеризуются крайне низким уровнем самосознания и отсутствием самоопределения и лишь после 16–20, примерно до 25–30 лет начинают пробовать разные виды трудовой деятельности и заводить знакомства в поисках спутника жизни, расширяя и представление о себе (Buhler, Massarik, 1968). Согласно К. Кеннистону, переход из подросткового возраста в молодость сопровождается напряженностью между собой и обществом, чувством всемогущества, тягой к движению и отвращением к застою (Kenniston, 1972).

Р. Хевигхерст видел смысл стадий развития в решении определенных возрастных задач (Havighurst, 1972). В позднем детстве (до 13 лет) ребенок овладевает физическими навыками игры и общения с ровесниками, добивается личностной независимости и понимает различие мужских и женских социальных ролей. В подростковом возрасте (13–18 лет) человек принимает свое тело, готовится к семейной жизни и карьере и формирует личное мировоззрение. В ранней молодости (19–30 лет) человек находит подходящего партнера, принимает мужскую или женскую роль, обустраивает дом и заводит семью, начинает карьеру и становится ответственным гражданином.

Наконец, согласно Э. Эриксону (1996), каждая из трех стадий характеризуется специфическим конфликтом, разрешение которого и задает текущую версию личности. В доподростковом возрасте (до 11 лет) это конфликт между компетентностью и неполноценностью, в подростковом (12–19 лет) — это конфликт между пониманием собственной идентичности и спутанностью ролей, в ранней зрелости (20–25 лет) — это конфликт между изоляцией и близостью. Можно ожидать, что переживание подлинности/отчужденности выстраивается в соотношении с этими задачами. В то же время траектории современного взросления меняются, и в настоящий момент существует слишком мало данных относительно возрастной последовательности проявления конструкторов, конституирующих переживание подлинности собственной личности и жизни.

Дизайн исследования

Исследование является сравнительным эксплораторным. Предварительные гипотезы не формулировались, но был поставлен исследовательский

вопрос: как переживается аутентичность (верность своему истинному Я) в зависимости от возраста?

Представления об аутентичности в трех возрастных группах

Процедура

В исследовании участвовали 450 человек, по 150 в каждой возрастной группе: младшие школьники в возрасте от 7 до 12 лет ($M = 76$, $Ж = 74$, $M_{\text{возраст}} = 9.44$, $SD_{\text{возраст}} = 1.12$), подростки в возрасте от 12 до 17 лет ($M = 75$, $Ж = 75$, $M_{\text{возраст}} = 14.35$, $SD_{\text{возраст}} = 1.62$) и молодые люди и девушки в возрасте от 18 до 23 лет ($M = 75$, $Ж = 75$, $M_{\text{возраст}} = 19.27$, $SD_{\text{возраст}} = 0.92$). Данные собирались очно в школе и на онлайн-платформе 1ka.si в университете. От взрослых участников и родителей несовершеннолетних было получено согласие на участие в исследовании и анонимную публикацию данных. Исследование одобрено Комиссией по этической оценке эмпирических исследовательских проектов департамента психологии ФСН НИУ ВШЭ.

Методики

Основным методом было исследовательское интервью, вопросы которого разрабатывались на основе интеграции трех подходов к аутентичности — гуманистического (Wood et al., 2008), экзистенциального (Kernis, Goldman, 2006) и субъектного (Рубинштейн, 2012). Интервью включало пять тематических блоков, охватывающих основные проявления аутентичности: аутентичную жизнь, принятие влияния извне, самоотчуждение, поведение в соответствии с ценностями и баланс социального/индивидуального. Мы разработали две параллельные версии интервью для детей и подростков/взрослых, отличающиеся формулировками с учетом возрастных особенностей респондентов (см. Приложение 1). Примеры ответов респондентов см. в электронном приложении (<https://psy-journal.hse.ru/data/2023/09/20/2060957928/Электронное%20приложение.pdf>).

Основная задача интервью состояла в том, чтобы получить целостное представление о феномене аутентичности (Neuendorf, 2018). Для анализа данных мы выбрали структурированный табличный тематический анализ, подходящий для работы с краткими текстами на больших выборках (Boyatzis, 1998; Robinson, 2022). В этом виде анализа в ответах респондентов выделяются смысловые паттерны и темы. Это гибкий метод, сочетающий дедуктивный и индуктивный подходы: дедуктивный подход предполагает теоретическую обоснованность, индуктивный является более открытым к поиску кодов и тем (Crabtree, 1999; Joffe, 2012). Мы использовали гибридный вариант анализа, в котором сочетались дедуктивный и индуктивный подходы к поиску кодов и тем в данных.

В процессе анализа мы следовали плану анализа О. Робинсона (Robinson, 2022), который согласуется с планом рефлексивного тематического анализа, разработанного В. Браун и В. Кларк: знакомство с данными, генерация исходных

кодов, поиск тем, пересмотр тем, формулирование названий тем и составление отчета (Braun, Clarke, 2006). Процесс кодирования был итеративным и рефлексивным, данные многократно перечитывались, коды пересматривались, темы укрупнялись (Fereday, Muir-Cochrane, 2006).

Первый кодировщик начал работать с данными интервью самой старшей группы, так как их ответы были самыми насыщенными (общее количество слов в интервью младших школьников — 5079, подростков — 8039, юношей и девушек — 36 842). После внимательного прочтения выделялись семантические коды, каждый код прописывался в соответствии с планом, предложенным К. Макквин и др. (Macqueen et al., 1998): 1) название, 2) описание, 3) критерии включения и исключения, 4) примеры из необработанных данных. Все решения по кодированию записывались в дневник анализа (Cutcliffe, McKenna, 1999). Из одного интервью извлекалось неограниченное количество кодов и тем. Похожие коды объединялись в темы; так формулировались первые названия тем, которые затем многократно пересматривались и уточнялись. Новая тема возникала, если ни одна из выделенных не описывала данные. Мы договорились, что тему составляют не менее десяти кодов, с несколькими исключениями. В завершающем отчете были подведены итоги работы с данными.

Первый кодировщик кодировал весь массив данных, после чего независимый эксперт проверял обоснованность схемы кодирования. Коды и темы пересматривались с учетом сделанных правок. Далее привлекался второй кодировщик, который кодировал данные по этой схеме (Saldaca, 2021; Roberts et al., 2019). Коэффициент согласованности альфа Криппендорфа 0.88 говорит о высокой согласованности между кодировщиками (Hayes, Krippendorff, 2007). Далее по каждой теме подсчитывались частоты, после чего рассчитывался критерий хи-квадрат.

При расчетах мы руководствовались требованием, чтобы значение 5 или меньше встречалось не более чем в 20% ожидаемых частот (Mindrila, Valentyn, 2013). Темы, значения в которых набирали 10 и более только в одной возрастной группе, а в остальных — 0, обозначались как уникальные для возрастной группы и исключались из расчетов критерия хи-квадрат. Темы, значения в которых набирали 0 только в одной возрастной группе, проверялись на соответствие правилу допустимости количества ожидаемых частот (Ibid.).

Результаты и их обсуждение

Обратимся к содержанию выделенных тем и их возрастным особенностям. Мы начали анализ с самого общего описания аутентичности, конкретизируя условия ее проявления и генезиса по ходу интервью (см. таблицу 1). Различия частот между возрастными группами статистически значимы ($\chi^2 = 136.84$, $df = 12$, $p < 0.001$). При ответе на вопросы интервью большое количество младших респондентов признались, что впервые услышали об аутентичности, а до проведения исследования не задумывались о том, что значит быть собой.

Таблица 1

Общие представления об аутентичности

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Сохранение подлинного Я в отношениях с другими	8	43	80	131
2	Осознанность, непредвзятое самовосприятие и верность себе	18	42	61	121
3	Автономное поведение	28	28	62	118
4	Независимое мышление	3	19	31	53
5	Стремление к независимости и самостоятельности	17	15	19	51
6	Отношение к аутентичности как к ценности	11	0	0	11
7	Не ответили	26	11	0	37
8	Другое	49	26	19	94

Общее представление об аутентичности личности включило в себя в первую очередь осознание важности искренних отношений с другими людьми, затем — осознанность и верность себе, далее — автономное поведение; стремление к самостоятельности и независимость мышления — наименее популярные темы. С возрастом все ответы становились более детальными и богатыми, и лишь стремление к самостоятельности, возникнув в младшем школьном возрасте, не демонстрировало приращения популярности: для более взрослых респондентов, очевидно, эта тема теряет актуальность в силу уже наличествующей и признанной другими автономии.

Каждая возрастная группа имеет специфический паттерн аспектов аутентичности. У младших школьников доминанта — это автономное поведение, у подростков — подлинные отношения с людьми и непредвзятое самовосприятие, а у юношей и девушек — также подлинные отношения и автономное поведение. Если стремление к независимости практически не меняется с возрастом, то желание сохранять себя в отношениях с другими усиливается, что связано с социальным аспектом взросления.

Если обратиться к описанным выше моделям аутентичности, полученные результаты точнее всего отражают экзистенциальную и субъектную модели, определяющие аутентичность в неразрывной связи с социальным окружением. Тема «Отношение к аутентичности как к ценности» возникла только в группе младших школьников. Несмотря на затруднения в описании состояния «быть собой» они, возможно, впервые отрефлексируют его как позитивное явление.

Квантами аутентичности как черты личности являются ситуации и поступки: если ситуации — это вариации контекста, который может и не зависеть от

выбора человека, то поступки предполагают наличие его личной ответственности. В этом блоке мы выделили девять тем (см. таблицу 2).

Полученные различия являются статистически значимыми ($\chi^2 = 47.07$, $df = 14$, $p < 0.001$). Пятая часть из опрошенных младших школьников и подростков не могут ответить, в каких ситуациях они чувствуют себя собой. Наиболее часто респонденты чувствуют себя верными своему истинному Я во взаимосвязи с другими людьми или вообще всегда, хотя аутентичность может переживаться и наедине с собой. Деятельность, собственные ощущения, безопасная среда также могут быть факторами переживания подлинности, однако их вклад в это переживание слабее. В младшем школьном возрасте фасилитатором аутентичности являются и собственные ощущения, и безопасная среда, таким образом демонстрируя широкую вариативность предикторов аутентичности или сопутствующих ей обстоятельств. Безопасная и комфортная среда является внешним фактором, который позволяет аутентичности проявиться (Sedikides et al., 2017). По мере развития субъектности ее вклад становится слабее, а роль внутренне мотивированной деятельности усиливается. В подростковом возрасте и молодости наиболее часто аутентичность проявляется во взаимодействии с другими людьми.

Эти отличия вполне согласуются с решаемыми в каждом возрасте задачами развития: если младшие школьники открывают для себя феномен приватности и отделяются от родителей, то подростки, юноши и девушки «подпитывают» свою подлинность общением с людьми, которых они осознанно выбирают и считают значимыми. Любопытно, что динамика возможных факторов переживания аутентичности нелинейна и для большинства категорий имеет V-образную форму: так, значимость уединения, собственных ощущений и деятельности резко ослабевает в подростковом возрасте, развернутом на

Таблица 2

Ситуации, в которых переживается аутентичность

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Во взаимосвязи с другими людьми	8	37	62	107
2	Всегда	17	36	39	92
3	Наедине с собой	13	7	33	53
4	В потоке деятельности	17	7	26	50
5	В безопасной и комфортной среде	18	17	14	49
6	При опоре на свои ощущения и переживании благополучия	25	6	11	42
7	Во внутренне мотивированной деятельности	9	4	21	34
8	Другое	25	23	35	83
9	Не ответили	34	29	0	63

социальную жизнь, и вновь усиливается в молодости. Деятельность, активность сопровождают переживание аутентичности в младшем школьном возрасте, возможно, в связи с усилением чувства компетентности, которое также отвечает задачам развития и решаемым конфликтам (Эриксон, 1996; Navighurst, 1972).

Отдельное направление анализа было посвящено содержанию собственных поступков, которые респонденты считают аутентичными (см. таблицу 3), различия также статистически значимы ($\chi^2 = 177.73$, $df = 12$, $p < 0.001$). Эта тема оказалась непростой для младших респондентов: 39% младших школьников и 27% подростков не ответили, какие из их поступков аутентичны. О высокой индивидуализированности и, возможно, интимности и неотрефлексированности таких поступков свидетельствует большое количество ответов категории «другое».

Наиболее частая тема — это помощь другим и аутентичные отношения с другими, а также ситуации волевого функционирования. И то и другое представляют собой высшие проявления субъектности, которые ожидаемо увеличиваются по мере взросления. Так, воля и мораль начинают составлять ядро аутентичного поведения, в соответствии с экзистенциальной и субъектной парадигмами определения аутентичности (Miller, Cushman, 2018; Strohminger et al., 2017).

Индуктивно образовалась тема «В стрессовых ситуациях и конфликтах»: респонденты отмечали, что их истинное Я проявляется таким образом, потому что в условиях стресса у них нет времени скрыть свои намерения. В соответствии с данными современных исследований, люди в ситуации стресса действуют естественно и искренне (Бочавер, Резниченко, 2022; Нартова-Бочавер, Ковалева, 2020; Нартова-Бочавер, Пак, 2022). Ситуации собственного агрессивного поведения респонденты также воспринимают как проявления аутентичности, свободной от предубеждений в оценках собственных качеств и действий.

Таблица 3

Аутентичные поступки

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	В помощи другим и построении крепких и доверительных отношений с другими	20	28	36	84
2	В ситуациях волевого функционирования	7	10	55	72
3	В стрессовых ситуациях и конфликтах	4	18	45	67
4	Всегда	8	25	33	66
5	В деятельности	7	11	18	36
6	Другое	48	30	17	95

Если обратиться к возрастнo-специфичным паттернам субъективно аутентичных поступков в каждой возрастной группе, то у младших школьников и подростков в качестве отчетливой доминанты выделяются действия, предполагающие оказание помощи или построение крепких и доверительных отношений с другими людьми. Это наблюдение соответствует экзистенциальной и субъектной парадигмам аутентичности. Что же касается юношей и девушек, то они считают аутентичными действия волевые или совершенные в условиях высокого напряжения.

Следующий интересующий нас вопрос касался изучения ситуаций, в которых переживание аутентичности может разрушиться, и способов его обретения (см. таблицу 4). Интересно, что темы «Не возникает таких ситуаций» и «Другое» примерно равно представлены в ответах, на наш взгляд, демонстрируя одновременно значимость и болезненность этого момента.

Источники самоотчуждения и, следовательно, нарушения аутентичности — это ситуации психического истощения и физического насилия. Различия между возрастными группами статистически значимы ($\chi^2 = 212.57$, $df = 10$, $p < 0.001$). Этот вопрос также оказался трудным для младших школьников; пятая часть респондентов его пропустила. Подростки чаще остальных отвечали, что они не переживают самоотчуждения. Для младших школьников и подростков источниками потери себя явились психическое истощение и эмоциональные переживания. Таким образом, дети сохраняют себя в стабильных психологических условиях, без напряжения и стресса, а более взрослые респонденты связывают самоотчуждение в первую очередь с социальным поведением и лишь затем — с физическим насилием.

Только в старшей группе выделилась тема «При занятиях бессмысленной деятельностью», которая, предположительно, будет сохраняться и у взрослых

Таблица 4

Источники самоотчуждения

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Не возникает таких ситуаций	22	78	17	117
2	При интенсивном переживании эмоций или психическом истощении	18	22	32	72
3	При инвалидации, абьюзе, буллинге или физическом насилии	7	13	44	64
4	Социальное поведение	4	5	49	58
5	При занятиях бессмысленной деятельностью	0	0	16	16
6	Другое	61	18	47	126
7	Нет ответа/Не знаю	33	15	1	49

людей. В период «становящейся взрослости» молодые люди примеряют на себя взрослые роли и, в силу возрастающего самоконтроля и ответственности, начинают чаще выполнять обязанности, обусловленные внешней мотивацией (Arnett, 2015; Сергиенко, 2021). Занятие деятельностью, не имеющей для них внутренней ценности, переживается как самоотчуждение.

Однако временная утрата аутентичности при наличии хорошей саморегуляции может быть исправлена или компенсирована. Чем шире репертуар возможностей восстановления аутентичности, тем более благополучной и зрелой может быть личность (см. таблицу 5).

Способы восстановления истинного Я также обладают возрастной спецификой ($\chi^2 = 164.09$, $df = 16$, $p < 0.001$). Вопрос оказался еще более трудным для младших школьников и подростков. В этом блоке мы сделали исключение для формирования темы «Отстаивание своей позиции» (9 упоминаний вместо конвенциональных 10), потому что сочли эту стратегию принципиально отличающейся от других и предполагающей способность человека открыто заявить другим о своей позиции. Мы выделили три группы стратегий: личностные (уединение и рефлексия, практики самопомощи и самоподдержки), социальные (социальная поддержка) и взаимодействие с ситуацией (отстаивание своей позиции, дистанцирование и адаптация).

Доминируют стратегии, связанные с приватностью (уединение и дистанцирование), однако самопомощь также признается эффективной. Дистанцирование от ситуации и адаптация к ситуации позволяют снизить значимость произошедшего и вернуть себе целостность. Примечательно, что социальная поддержка занимает лишь пятое ранговое место, вновь свидетельствуя о высокой идиографичности и интимности истинного Я, которое «подпитывается» в основном изнутри.

Таблица 5

Стратегии восстановления истинного Я

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Уединение и рефлексия	10	11	61	82
2	Дистанцирование	22	11	49	72
3	Практики самопомощи и самоподдержки	20	13	22	55
4	Самоотчуждение не переживается	5	32	14	51
5	Социальная поддержка	10	15	33	48
6	Адаптация к ситуации	0	0	19	19
7	Отстаивание своей позиции	1	1	9	11
8	Другое	29	19	17	65
9	Не знаю/Нет ответа	53	45	1	99

Младшие школьники чаще всего восстанавливают переживание подлинности через дистанцирование и самопомощь. Подростки, реже других признающие опыт самоотчуждения, в случае его наличия обращаются за помощью к другим людям. Юноши и девушки используют самый широкий репертуар стратегий: предпочитаемая — уединение, за ним следуют дистанцирование и самопомощь. Такой паттерн свидетельствует о возрастающей самодостаточности людей этого возраста, по сравнению с подростками, в полном соответствии с пониманием возрастного развития субъектности (Сергиенко, 2021). Тема «Адаптация к ситуации» возникла только в старшей группе, также свидетельствуя о возрастающей гибкости личности и ее поведения по мере взросления.

Продолжая дискуссию с личностно-ориентированной парадигмой понимания аутентичности и ее источников, мы отдельно исследовали роль других людей в понимании истинного Я (см. таблицу 6), которая также оказалась обусловленной возрастом ($\chi^2 = 82.6$, $df = 16$, $p < 0.001$). Контрастируя с мнением К. Роджерса (Rogers, 1951), полученные данные подтверждают высокую позитивную роль других людей в становлении аутентичности: другие люди почти в четыре раза чаще помогают, чем «мешают», причем этот паттерн сохраняется практически во всех возрастных группах.

Позиция «мешают» несколько более весома у подростков, потому что у них, в соответствии с задачами развития, возрастает личная автономия и они стремятся к независимости и самостоятельности (Жилинская, Боцавер, 2018). Младшие школьники получают больше информации о мире от других людей, поэтому, в полном соответствии с данными Г. Лабувье-Виеф и др. (Labouvie-Vief et al., 1995), у них еще сохраняется агглютинация представлений о себе и других. Юноши и девушки уже имеют крепкие поддерживающие отношения с другими. Обращает на себя внимание категория «Другое», свидетельствующая о вариативности и, возможно, социальной избирательности респондентов, если речь идет об истинном Я.

Для понимания переживаний аутентичности при общении с людьми мы спросили о тех чувствах, которые респонденты испытывают рядом с другими (см. таблицу 7). Ответы оказались более глубокими и содержательными, чем

Таблица 6

Роль других людей в понимании истинного Я

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Помогают	66	46	82	194
2	И помогают, и мешают	15	13	42	70
3	Мешают	22	19	13	54
4	Другие люди не влияют	10	13	9	32
5	Другое или не знают/ не ответили	37	59	4	100

мы ожидали. Респонденты не только говорили о своих чувствах, но и описывали ситуации, в которых эти чувства могут меняться. В этой теме также была обнаружена возрастная вариативность ($\chi^2 = 124.78$, $df = 8$, $p < 0.001$).

Большинство респондентов ответили, что присутствие других людей не влияет на их переживание подлинности собственного Я; однако популярен и ответ «Разные чувства». Если младшие школьники и подростки еще не в состоянии различить угрожающих их истинному Я и ресурсных для него людей, то юноши и девушки уже дифференцируют социальные контакты в перспективе развития/разрушения их аутентичности. Манипулятивные, обесценивающие или деструктивные отношения рассматриваются как угрожающие подлинному Я. Лишь старшие респонденты обозначили свою потребность чередовать периоды общения и одиночества.

Следующий раунд анализа был направлен на исследование возможного конфликта между индивидуальными переживаниями и социальным влиянием: всегда ли людям удается отстоять свою точку зрения?

Большинство респондентов из всех возрастных групп ответили, что им удается сохранять верность своей точке зрения, хотя между группами были обнаружены различия ($\chi^2 = 104.35$, $df = 6$, $p < 0.001$) (таблица 8). Труднее всего придерживаться своего мнения младшим школьникам, у которых было

Таблица 7

Переживания аутентичности в общении с другими людьми

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Одинаковые чувства	61	68	35	164
2	Разные чувства	41	41	39	121
3	Зависит от человека	2	10	47	59
4	Зависит от настроения, ситуации, обстоятельств	6	3	28	37
5	Потребность в чередовании периодов одиночества и общения с другими	0	0	13	13
6	Другое или не знают/не ответили	40	28	5	73

Таблица 8

Приверженность своей точке зрения

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Удается	97	108	80	285
2	Не во всех ситуациях	5	21	64	90
3	Не удается	22	6	6	34
4	Другое или не знают/не ответили	26	15	0	41

обнаружено наибольшее количество ответов «Не удастся». Лишь юноши и девушки отмечали, что осознают границы собственной компетентности и меняют свою точку зрения, если слышат рациональные аргументы. Однако в таком случае новая точка зрения, измененная добровольно, присваивается и становится собственной.

Схожая тенденция возникла и при оценке приверженности собственным ощущениям (см. таблицу 9). Выяснилось, что большинство респондентов доверяют себе или гибко корректируют свои ощущения с учетом мнения окружающих. Возрастная специфика ($\chi^2 = 92.525$, $df = 6$, $p < 0.001$) заключается в том, что младшие школьники, в соответствии с содержанием переживаемой ими стадии развития, более восприимчивы к мнению других, что в этом возрасте представляет вполне адаптивное явление. Подростки и особенно юноши и девушки открыты влиянию других людей, причем этот паттерн усиливается, в полном соответствии с динамикой сложности Я (Linville, 1987). Старшие респонденты уже умеют распознавать ситуации, в которых они прислушиваются к мнению других, чтобы получить одобрение, и грустят, что таким образом предают свое истинное Я.

Следуя логике приближения нашего анализа к тем составляющим феномена аутентичности, которые были предложены в рамках личностно-ориентированного подхода, мы переходим к анализу представлений об аутентичной жизни, начав с внутреннего мира (см. таблицу 10). Большинству респондентов он нравится; с большим отрывом идут ответы, отражающие негативное

Таблица 9

Приверженность собственным ощущениям

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Свои ощущения	65	88	82	235
2	Свои ощущения + мнения людей	9	17	51	77
3	Мнения людей	27	13	16	56
4	Другое или не знают/ не ответили	49	32	1	82

Таблица 10

Самовосприятие и эмоциональная оценка внутреннего мира

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Нравится	100	116	82	298
2	В чем-то да, в чем-то нет	17	14	17	48
3	Не нравится	13	12	16	41
4	Нравится, но не идеальная	0	0	29	29
5	Другое или не знают/ не ответили	20	8	6	34

или даже скептическое отношение к нему. Вполне вероятно, что подобных ситуаций много и у младших школьников, однако, в силу еще не сформировавшейся рефлексии, их ответы попали в группу «Другое».

Возрастная специфика ($\chi^2 = 12.98$, $df = 6$, $p < 0.001$) проявляется в том, что только старшие респонденты принимают свой внутренний мир, при этом осознавая, что он не идеален, и только младшие дают наибольшее удельное количество неопределенных ответов. Только старшие отмечают, что не знают себя и готовы разбираться в себе, в то время как младшие школьники и подростки лишь обозначают свои эмоциональные состояния.

Большинство респондентов также позитивно воспринимают и свою жизнь (см. таблицу 11), однако у старших этот показатель ниже ($\chi^2 = 16.7$, $df = 6$, $p < 0.001$). Мы полагаем, что с возрастом усиливаются требования и давление среды, что характерно для сложного периода «становящейся взрослости» (Arnett, 2015).

И наконец, мы обратились к тем аспектам собственной жизни, которые вызывают больше всего положительных чувств у респондентов (см. таблицу 12).

Таблица 11

Отношение к своей жизни

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Нравится	108	107	94	309
2	В чем-то нравится, в чем-то нет	12	18	31	61
3	Не нравится	8	8	14	30
4	Другое или не знают/не ответили	22	17	11	50

Таблица 12

Аспекты жизни, которые нравятся

№ темы	Тема	Младшие школьники	Подростки	Юноши и девушки	Всего
1	Отношения и социальная поддержка	10	14	66	90
2	Обучение и познание	0	1	55	56
3	Волевое функционирование	1	4	46	51
4	Во всех	5	28	17	50
5	Возможности и уровень жизни	3	2	33	38
6	Позитивное восприятие своей жизни	15	2	14	31
7	Другое	10	15	46	71
8	Нет ответа/Не знаю	100	88	6	194

Преобладающие ответы связаны с социальными отношениями, затем с большим отрывом отмечаются обучение и волевые действия. Возрастные различия также присутствуют ($\chi^2 = 338.58$, $df = 14$, $p < 0.001$). Этот блок вызвал исключительные затруднения у младших школьников, в силу еще слабой дифференцированности самосознания. Они отмечали в качестве главных позиций позитивное видение мира и социальные отношения. Подростки связывают переживание подлинности с социальными отношениями, а юноши и девушки видят свою жизнь очень стереоскопичной, отмечая социальные отношения, обучение и просто волевые действия как аспекты жизни, значимые для поддержания истинного Я.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволило идентифицировать конструкты, используемые в повседневной жизни представителями трех возрастных групп для описания переживания истинного Я. Данные показывают, что система этих категорий наиболее дифференцирована у старших респондентов, юношей и девушек, вероятнее всего, в силу их когнитивной и личностной сложности. Что касается младших школьников, складывается впечатление, что аутентичность только начинает осознаваться и артикулироваться в этом возрасте, хотя, возможно, она представлена на довербальном уровне намного раньше. Дети лишь открывают наличие истинного Я как ценности и учатся защищать его существование.

Соотнося блоки ответов с тремя представленными парадигмами, можно констатировать, что наиболее релевантными личности российского респондента исследуемого возраста являются субъектный подход и экзистенциальная психология. Все три возраста воспринимают социум как неотделимую часть собственной эмпирической личности и один из основных источников становления аутентичности, что контрастирует с личностно-ориентированным пониманием природы аутентичности. Истинное Я в наших данных всегда проявляет себя как социальное Я, даже в тех случаях, когда оно требует уединения и самоконтроля. В некоторой степени это может быть объяснено тем, что Россия — умеренно коллективистическая страна, в отличие от тех, где были созданы наиболее известные концепции аутентичности. Однако в то же время, возможно, именно в силу имманентной социальности генезиса аутентичности респонденты всех возрастных групп согласованно рассматривают в качестве ресурса аутентичности уединение как позитивное одиночество, чтобы подумать о себе и своей жизни (Осин, Леонтьев, 2013).

Важнейший вектор развития аутентичности задан субъектностью, возможностью осуществлять выборы и реализовывать агентные поступки. В соответствии с полученными данными, фактор безопасной среды проявления аутентичности становится с возрастом слабее, а фактор волевых действий субъекта — сильнее. Аутентичность предполагает способность считаться с другими людьми, не исключая при этом естественности поведения, более того — и поступки, и отдельные жизненные сферы отражают творческое отношение к

собственной жизни, связанное с открытостью новому опыту, знакомствам и знаниям, что согласуется с ранее полученными данными (Chen, Murphy, 2019; Mok, 2022; Xu et al., 2023).

Наконец, третий важнейший полученный нами результат связан с очевидными возрастными различиями, устойчиво проявляющимися во всех проанализированных блоках тем. Частоты категорий значимо различаются, позволяя соотнести их с ядерными новообразованиями каждого возраста, с задачами развития и с переживаемыми конфликтами. Аутентичность младших школьников построена вокруг развивающегося благодаря школьной жизни самосознания и продвижения в сепарации от родителей. Подростки создают собственный круг значимых других, новую самостоятельно выбранную референтную группу, которая и становится важнейшим источником и фактором становления истинного Я. Наконец, аутентичность юношей и девушек включает соотнесенность с контурами собственного жизненного пути, с основными выборами, целями и, в конечном счете, с предназначением.

Ограничения и перспективы исследования

Исследование не свободно от ограничений, которые одновременно обозначают новые перспективы изучения. Из-за процедуры обобщения часть ответов респондентов не отражена в результатах, а также, в силу письменной формы интервью, в случае неоднозначности не было возможности уточнить, что имелось в виду. Не проанализированы половые различия представлений об аутентичности, которые вполне могут проявиться. И конечно, возрастные рамки исследования генезиса аутентичности могут быть расширены.

В то же время уже полученные данные могут быть использованы в дальнейших исследованиях периода перехода от детства к взрослости и при необходимости применены в психоразвивающих программах.

Литература

- Анцыферова, Л. И. (1992). Личность в динамике: некоторые итоги исследования. *Психологический журнал*, 13(5), 12–25.
- Бочавер, К. А., Резниченко, С. И. (2022). Личностная аутентичность как ресурс преодоления синдрома профессионального выгорания. *Психологический журнал*, 43(2), 61–71.
- Волков, П. В. (2000). Разнообразие человеческих миров. *Консультативная психология и психотерапия*, 8(1), 48–76.
- Жилинская, А. В., Бочавер, А. А. (2018). Подходы к изучению построения подростками траектории жизненного пути. *Психологический журнал*, 39(1), 36–45.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2023). Аутентичность личности как предиктор совладания со стрессом и возможный эффект стресса. *Человек*, 34(4), 128–148.
- Нартова-Бочавер, С. К., Ирхин, Б. Д., Резниченко, С. И. (2020). Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(3), 500–519. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-500-519>

- Нартова-Бочавер, С. К., Ковалева, М. А. (2020). Аутентичность личности и моральные мотивы в ситуациях повседневного и хронического стресса. В кн. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош (ред.), *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен* (с. 1108–1115). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Нартова-Бочавер, С. К., Пак, В. В. (2022). Аутентичность и способность прощать при разных уровнях стресса: предварительное исследование. *Клиническая и специальная психология*, 11(1), 141–163. <https://doi.org/10.17759/cpse.202211010>
- Нартова-Бочавер, С. К., Силина, О. В. (2018). *Психологические границы личности: взросление и культура*. М.: Памятники психологической мысли.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2013). Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 55–81.
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Основы общей психологии*. СПб.: Питер.
- Сергиенко, Е. А. (2021). *Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Чумакова, Т. В. (2021). Аутентичность личности ребенка в школьной среде. В кн. А. А. Бочавер, М. Я. Кац (сост.), А. А. Бочавер (отв. ред.), *Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: Сборник трудов XIV Международной научно-практической конференции (6–8 апреля 2021 года, Москва)* (с. 158–160). М.: НИУ ВШЭ.
- Эрикссон, Э. Г. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Alchin, C. E., Machin, T. M., Martin, N., & Burton, L. J. (2023). Authenticity and inauthenticity in adolescents: A scoping review. *Adolescent Research Review*. <https://doi.org/10.1007/s40894-023-00218-8>
- Antsyferova, L. I. (1992). Lichnost' v dinamike: nekotorye itogi issledovaniya [Personality in dynamics: some conclusions on the research]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 13(5), 12–25.
- Arnett, J. J. (Ed.). (2015). *The Oxford handbook of emerging adulthood*. Oxford: University Press.
- Barrett-Lennard, G. T. (1998). *Carl Rogers helping system: journey & substance*. Sage Publications.
- Baumeister, R. F. (2019). Stalking the true self through the jungles of authenticity: Problems, contradictions, inconsistencies, disturbing findings – and a possible way forward. *Review of General Psychology*, 23(1), 143–154. <https://doi.org/10.1177/1089268019829472>
- Bayır-Toper, A., Sellman, E., & Joseph, S. (2022). Being yourself for the 'greater good': an empirical investigation of the moderation effect of authenticity between self-compassion and compassion for others. *Current Psychology*, 41, 4871–4884. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00989-6>
- Bochaver, K. A., & Reznichenko, S. I. (2022). Personal authenticity as a resource for coping with burnout syndrome. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 43(2), 61–71. (in Russian)
- Boyatzis, R. E. (1998). *Transforming qualitative information: Thematic analysis and code development*. Sage Publications.
- Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Buhler, C., & Massarik F. (1968). *The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective*. New York, NY: Springer Publishing Company.

- Chen S., & Murphy, D. (2019). The mediating role of authenticity on mindfulness and well-being: a cross cultural analysis. *Asia Pacific Journal of Counselling and Psychotherapy*, 10(1), 40–55. <https://doi.org/10.1080/21507686.2018.1556171>
- Chumakova, T. V. (2021). Autentichnost' lichnosti rebenka v shkol'noi srede [Authenticity of child's personality in school environment]. In A. A. Bochaver, M. Ya. Kats, A. A. Bochaver (Eds.), *Podrostok v megapolise: distantsionnoe vzroslenie: Sbornik trudov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (6–8 aprelya 2021 goda, Moskva)* [Adolescent in metropolis: A distant growing-up: Proceedings of the 14th International research-to-practice conference (April, 6–8, 2021, Moscow)] (pp. 158–160). Moscow: HSE Publishing House.
- Crabtree, B. F. (1999). *Doing qualitative research*. Sage Publications.
- Cross, T. L. (2021). Social and emotional development: the role of authenticity in the psychosocial development of students with gifts and talents. *Gifted Child Today*, 44(2), 111–114. <https://doi.org/10.1177/1076217520988777>
- Cutcliffe, J. R., & McKenna, H. P. (1999). Establishing the credibility of qualitative research findings: The plot thickens. *Journal of Advanced Nursing*, 30(2), 374–380. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1999.01090.x>
- Erikson, E. G. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Moscow: Progress. (Original work published 1968)
- Fereday, J., & Muir-Cochrane, E. (2006). Demonstrating rigor using thematic analysis: A hybrid approach of inductive and deductive coding and theme development. *International Journal of Qualitative Methods*, 5(1), 80–92. <https://doi.org/10.1177/160940690600500107>
- Fleeson, W., & Wilt, J. (2010). The relevance of big five trait content in behavior to subjective authenticity: do high levels of within person behavioral variability undermine or enable authenticity achievement? *Journal of Personality*, 78(4), 1353–1382. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00653.x>
- Foucault, M. (1983). On the genealogy of ethics: an overview of work in progress. In H. Dreyfus & P. Rabinow (Eds.), *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics* (2nd ed.). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Galinha, I. C., Balbino, I. F., Devezas, M. B., & Trigo, B. R. (2023). Authenticity is associated with psychological and subjective well being: Convergence between the self report and informant's report. *The Journal of Humanistic Counseling*, 62(2), 77–96. <https://doi.org/10.1002/johc.12173>
- Gardner, D. M., & Prasad, J. J. (2022). The consequences of being myself: understanding authenticity and psychological safety for LGB employees. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 95(4), 788–797. <https://doi.org/10.1111/joop.12399>
- Harter, S. (2002). Authenticity. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology* (pp. 382–394). Oxford, England: Oxford University Press.
- Havighurst, R. J. (1972). *Developmental tasks and education*. New York, NY: David McKay.
- Hayes, A. F., & Krippendorff, K. (2007). Answering the call for a standard reliability measure for coding data. *Communication Methods and Measures*, 1(1), 77–89. <https://doi.org/10.1080/19312450709336664>
- Joffe, H. (2012). Thematic analysis. *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy*, 1, 210–223. <https://doi.org/10.1002/9781119973249.ch15>
- Kenniston, K. (1972). *Youth and dissent: The rise of a new opposition*. Harcourt Brace Jovanovich, Inc. (A Harvest Book).
- Kernis, M. H., & Goldman, B. M. (2006). A multicomponent conceptualization of authenticity: theory and research. *Advances in Experimental Social Psychology*, 38, 283–357. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)38006-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)38006-9)
- Labouvie-Vief, G., Chiodo, L. M., Goguen, L. A., & Diehl, M. (1995). Representations of self across the life span. *Psychology and Aging*, 10(3), 404–415. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.10.3.404>

- Linville, P. W. (1987). Self-complexity as a cognitive buffer against stress-related illness and depression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52(4), 663–676. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.4.663>
- MacQueen, K. M., McLellan, E., Kay, K., & Milstein, B. (1998). Codebook development for team-based qualitative analysis. *CAM Journal*, 10(2), 31–36. <https://doi.org/10.1177/1525822X980100020301>
- Maffly-Kipp, J., Flanagan, P., Kim, J., Schlegel, R. J., Vess, M., & Hicks, J. A. (2020). The role of perceived authenticity in psychological recovery from collective trauma. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 39(5), 419–448. <https://doi.org/10.1521/jscp.2020.39.5.419>
- Miller, R., & Cushman, F. (2018). Moral values and motivations: How special are they? In K. Gray & J. Graham (Eds.), *Atlas of moral psychology* (pp. 59–69). The Guilford Press.
- Mindrila, D., & Balentyne, P. (2013). The Chi Square Test. The basic practice of statistics. In D. S. Moore, W. I. Notz, & M. A. Fligner (Eds.), *The basic practice of statistics* (6th ed.). New York, NY: W. H. Freeman.
- Mok, A. (2022). Feeling at home in two cultural worlds: bicultural identity integration moderates felt authenticity. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 53(2), 179–212. <https://doi.org/10.1177/00220221211107298>
- Munns, C. A. (2018). *Religious belief, authenticity, posttraumatic stress, and existential well-being in combat veterans: a correlation study* [Doctoral dissertation]. Northcentral University, San Diego, CA. <https://www.proquest.com/openview/73ab3fe471ea2116b4febf2c04f0b27/1.pdf?pq-origsite=gscholar&cbl=18750>
- Nartova-Bochaver, S. K. (2023). Autentichnost' lichnosti kak prediktor sovladaniya so stressom i vozmozhnyj effekt stressa. [Authenticity of personality as a predictor of coping with stress and as a possible stress effect] *Chelovek [Person]*, 34(4), 128–148.
- Nartova-Bochaver, S. K., Bayramyan, R. M., Chulyukin, K. S., Yerofeyeva, V. G. (2021). What it means to be oneself: the everyday ideas of authenticity among primary school children and adolescents in Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 3–21. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0301>
- Nartova-Bochaver, S. K., Irkhin, B. D., & Reznichenko, S. I. (2020). Trait authenticity in the intrapersonal space. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(3), 500–519. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-500-519> (in Russian)
- Nartova-Bochaver, S. K., & Kovalyova, M. A. (2020). Autentichnost' lichnosti i moral'nye motivy v situatsiyakh povsednevnogo i khronicheskogo stressa [Authenticity of personality and moral motives in everyday and chronic stress situations]. In A. L. Zhuravlyov, M. A. Kholodnaya, & P. A. Sabadosh (Eds.), *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Abilities and mental resources of a man in a world of global change] (pp. 1108–1115). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Nartova-Bochaver, S. K., & Pak, V. V. (2022). Authenticity and dispositional forgiveness at different stress levels: a preliminary study. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*, 11(1), 141–163. <https://doi.org/10.17759/cpse.202211010> (in Russian)
- Nartova-Bochaver, S. K., & Silina, O. V. (2018). *Psikhologicheskie granitsy lichnosti: vzroslenie i kul'tura* [The psychological borders of personality: growing-up and culture]. Moscow: Pamyatniki psikhologicheskoi mysli.
- Neuendorf, K. A. (2018). Content analysis and thematic analysis. In P. Brought (Ed.), *Research methods for applied psychologists: Design, analysis and reporting* (pp. 211–223). New York, NY: Routledge.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2013). Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: structure and properties. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(1), 55–81. (in Russian)
- Petrov, N., Robinson, O. C., & Arnett, J. J. (2022). The Developmental Crisis Questionnaire (DCQ-12): Psychometric development and validation. *Journal of Adult Development*, 29, 265–278. <https://doi.org/10.1007/s10804-022-09403-w>

- Ramos, K. (2022). Authenticating authenticity: authenticity as commitment, temporally extended agency, and practical identity. *The Brown Journal Philosophy, Politics & Economics*, 4(1), 29–55.
- Reznichenko, S. I., Nartova-Bochaver, S. K., & Irkhin, B. D. (2021). Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 81–102. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0306>
- Roberts, A. R., De Schutter, B., Franks, K., & Radina, M. E. (2019). Older adults' experiences with audiovisual virtual reality: Perceived usefulness and other factors influencing technology acceptance. *Clinical Gerontologist*, 42(1), 27–33. <https://doi.org/10.1080/07317115.2018.1442380>
- Robinson, O. C. (2020). *Development through adulthood* (2nd ed.). London: Red Globe Press.
- Robinson, O. C. (2022). Conducting thematic analysis on brief texts: The structured tabular approach. *Qualitative Psychology*, 9(2), 194–208. <https://doi.org/10.1037/qup0000189>
- Robinson, O. C., Demetre, J. D., & Litman, J. A. (2016). Adult life stage and crisis as predictors of curiosity and authenticity: Testing inferences from Erikson's lifespan theory. *International Journal of Behavioral Development*, 41(3), 426–431. <https://doi.org/10.1177/0165025416645201>
- Robinson, O. C., Lopez, F. G., Ramos, K., & Nartova-Bochaver, S. (2013). Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(5), 719–737. <https://doi.org/10.1177/0022022112465672>
- Rogers, C. R. (1951). Perceptual reorganization in client-centered therapy. In R. R. Blake & G. V. Ramsey (Eds.), *Perception: An approach to personality* (pp. 307–327). New York, NY: Ronald Press. <https://doi.org/10.1037/11505-011>
- Rubinstein, S. L. (2012). *Osnovy obshchei psikhologii* [Foundations of general psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Saldaca, J. (2021). *The coding manual for qualitative researchers*. Sage Publications.
- Sedikides, C., Slabu, L., Lenton, A., & Thomaes, S. (2017). State authenticity. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 521–525. <https://doi.org/10.1177/0963721417713296>
- Sergienko, E. A. (2021). *Psikhicheskoe razvitiie s pozitsii sistemno-sub"ektnogo podkhoda* [Psychic development from the perspective of systemic-subjective approach]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Strohminger, N., Knobe, J., & Newman, G. (2017). The true self: A psychological concept distinct from the self. *Perspectives on Psychological Science*, 12(4), 551–560. <https://doi.org/10.1177/1745691616689495>
- Tooper, A., Sellman, E., & Joseph, S. (2022). Examining the structure of authenticity: A factor analytic study of the Authenticity Scale and Authenticity Inventory Subscales. *The Humanistic Psychologist*, 50(2), 304–319. <https://doi.org/10.1037/hum0000223>
- Volkov, P. V. (2000). Raznoobrazie chelovecheskikh mirov [The diversity of human worlds]. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 8(1), 48–76.
- Wilt, J. A., Grubbs, J. B., Exline, J. J., & Pargament, K. I. (2021). Authenticity, presence of meaning, and struggle with ultimate meaning: Nuanced between-and within-person associations. *Journal of Research in Personality*, 93, Article 104104. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2021.104104>
- Wood, A. M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliouis, M., & Joseph, S. (2008). The authentic personality: a theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journal of Counseling Psychology*, 55(3), 385–399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>
- Xu, X., Xia, M., & Pang, W. (2023). Do all roads lead to Rome? Authenticity, openness to experience, and risk-taking relate to general and malevolent creativity differently. *Current Psychology*, 42, 13424–13431. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02567-w>
- Zhilinskaya, A. V., & Bochaver, A. A. (2018). Approaches to studying the building of adolescents trajectories of the life way. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 39(1), 36–45. (in Russian)

Вопросы интервью респондентов разного возраста**Младшие школьники***Аутентичная жизнь*

1. Как тебе кажется, что такое «быть самим(-ой) собой»?
2. Когда ты ощущаешь себя самим(-ой) собой?

Принятие влияния извне

3. Другие люди помогают или мешают тебе понять, кто ты такой(-ая)?
4. Удастся ли тебе оставаться при своем мнении, если оно отличается от мнения других?

Самоотчуждение

5. В каких ситуациях ты не понимаешь, кто ты такой(-ая)?
6. Как тебе удастся снова стать самим(-ой) собой?

Поведение

7. Как тебе кажется, ты чаще ведешь себя, прислушиваясь к себе или к другим?
8. Когда твои поступки и действия отражают тебя?

Баланс социального/индивидуального

9. Нравись ли ты себе?
10. Нравится ли тебе твоя жизнь? С какой именно стороны?
11. Чувствуешь ли ты себя одинаково хорошо наедине с собой и с другими людьми?

Подростки; юноши и девушки*Аутентичная жизнь*

1. Как Вы понимаете словосочетание «быть самим(-ой) собой»?
2. В каких ситуациях Вы ощущаете себя самим(-ой) собой?

Принятие влияния извне

3. Другие люди помогают или мешают Вам понять, кто Вы такой(-ая)?
4. Удастся ли Вам оставаться верным своей точке зрения, даже если она расходится с мнением других?

Самоотчуждение

5. В каких ситуациях Вы теряете ощущение, что Вы — это Вы?
6. Как Вам удастся снова стать самим(-ой) собой?

Поведение

7. Как Вам кажется, на что чаще вы опираетесь в своих поступках — на свои ощущения или мнение людей?
8. В каких ситуациях Ваши поступки и действия действительно характеризуют Вашу личность?

Баланс социального/индивидуального

9. Нравится ли Вам Ваш внутренний мир?
10. Нравится ли Вам Ваша жизнь? В каких именно аспектах?
11. Чувствуете ли Вы себя одинаково хорошо наедине с собой и с другими людьми?